

Содержание

Предисловие	5
Очерк 1. Взаимообусловленность космологии и философии	6
Список литературы	27
Очерк 2. Информационный Универсум	28
Атрибутивная информация Универсума	30
Физика смысла атрибутивной информации	38
Постскриптум	46
Список литературы	47
Очерк 3. Загадка параллельных миров.	49
Список литературы.	58
Очерк 4. О происхождении Универсума (Творец или Природа?).	59
Тайна Творца и Творения.	60
Вера и знание	62
Допущение первое: Творец персонифицирован.	64
Допущение второе: Творец не персонифицирован	71
Информационное Первоначало.	78
Список литературы.	88

Очерк 5. Космологический взгляд на происхождение сознания.	91
Мозг и сознание – проблема отношений.	91
Рационализм и проблема сознания.	96
Иррационализм и проблема сознания.	100
Космический разум и проблема сознания	104
Список литературы.....	109
Послесловие.....	111
Приложения.....	112

Предисловие

Книга написана по материалам авторских статей, опубликованных в разное время в разных журнальных изданиях. Естественно, что эти статьи не охватывают всю необъятность космологической проблематики. В них лишь частично затронуты философские проблемы, заинтересовавшие автора, исходя из его субъективных предпочтений. Каждый очерк (из пяти) сопровождается ссылкой на использованные в нём статьи, которые были переработаны в соответствии с замыслом книги. В конце каждого очерка приведён список использованной в нём литературы.

В книге принят т. н. «кембриджский формат» библиографии и библиографических ссылок, которого придерживаются международные издания. Автор сознаёт дискуссионность очерков и с неподдельным интересом ознакомится с критическими замечаниями, которые просьба присылать на электронный адрес: guhman.vladimir@gmail.com.

Очерк 1

Взаимообусловленность космологии и философии¹

Рассматриваются отношения между философией и наукой, в частности, космологией, родство философского и космологического подходов к познанию мироздания.

За свою длительную историю, уходящую корнями в древние цивилизации, космология, казалось бы, далёкая от земной «суеты сует», всегда испытывала на себе влияние исторических эпох развития человечества, которые каждая по-своему вносили в космологию свои научные, философские, религиозные и социокультурные идеи и ценности. Во многом это связано с самим содержанием космологии как раздела астрономии, изучающего происхождение, свойства и эволюцию Вселенной в целом. Впрочем, две тысячи лет тому назад любые научные занятия, включая астрономические наблюдения и космологию, считались философией («любомудрием») и ничем иным. Только философы и историки науки помнят о том, что современная наука с её рациональной натуралистической парадигмой, принятой и в космологии, существовала не всегда, а сложилась внутри философии как особый подход к миру, отличный от традиционного философского подхода, лишь в XVI–XVIII вв., т. е. более чем на два тысячелетия позже становления философии. До становления специфического научного подхода любой учёный, оставивший след в истории науки, был одновременно и философом: Пифагор², Зенон Элейский, Демокрит, Платон, Аристотель, Ибн Сина, Ибн Рушд, Николай Коперник, Джордано Бруно, Галилео Галилей, Филипп Парацельс, Рене Декарт, Блез Паскаль, Исаак Ньютон, Готфрид Лейбниц и многие другие.

Учёные, как и философы, издревле и поныне занимаются познавательной деятельностью. Но если целью первых является истина, а основным продуктом – знание, то целью вторых являются высшие смыслы и ценности, а основным продуктом – мировоззрение. Различие науки и философии в целях

¹ Гухман, Владимир. Портрет философа // Вестник ТвГУ, серия «Философия», № 1, 2017; с. 18–30.

² Пифагор первым назвал себя «философом», до него были «сведущие».

и продуктах своей деятельности объясняется тем, что философы, хотя и не прочь «докопаться» до истины, но понимают, что истина как суть (смысл) познаваемого всё же недостижима через свои проявления в научных опытах и через математические формулировки законов природы. Остаётся только размышлять об истине, что и делает философия. Поэтому философская деятельность – рефлексия в отличие от научной деятельности – исследования.

Современное рациональное миропонимание – опосредованный продукт развития науки, а не непосредственная данность. Наука приняла на себя бремя ответственности за истинность своих утверждений, заставив логику (один из методических инструментов философии) и математику (наследницу логики) отвечать за правильность доказательства утверждений, что обеспечило науке методологический тыл её атак на тайны природы. В этой прагматической связке науки, логики и математики («блудных дочерей» философии) самой рефлексивной философии не нашлось конкретного рабочего места, как пенсионеру сейчас нет достойного места на рынке труда. В результате философия оказалась свободной от серьёзной ответственности перед обществом, и возникла мифологема «философской безответственности». Действительно, философия вольна в выборе своей проблематики и предмета рефлексии, будь то теизм или атеизм, электроток или кровоток, галактики или микрочастицы, человек или вирус. Философ не связан никакими догмами мышления и, в первую очередь, догмами логического, математического и естественнонаучного мышления. Фантазиям философа тоже нет никаких пределов. И тем не менее, философ и философия должны быть ответственными. Ответственность – этическое понятие: философская рефлексия, руководствуясь нравственным категорическим императивом Иммануила Канта³, обязана творить добро, быть совестью, не лгать, не снобствовать, стремиться к простоте и ясности. Одним словом, философия должна быть этически

³ «Я всегда должен поступать только так, чтобы Я также мог желать превращения моей максимы (т. е. моего личного принципа) во всеобщий закон».

безупречным «любомудрием», а философ – мудрецом⁴. При этом в глазах социума философ может слыть кем угодно: порядочным или асоциальным человеком, даже дураком, что вполне укладывается в мифологему его «безответственности». Разве власть и духовенство руководствовались этой мифологемой, когда философов, философствующих учёных и деятелей искусства привлекали к ответственности, периодически травили, убивали и сжигали на кострах, насильственно выслали в эмиграцию, гноили в ссылках, тюрьмах и лагерях, расстреливали? В одном Советском Союзе под политический террор попали П. А. Флоренский, Л. П. Карсавин, К. Мегрелидзе, А. Ф. Лосев, А. А. Мейер и многие др. А знаменитый «философский» пароход, на котором цвет отечественной мысли был отправлен в эмиграцию как явные и потенциальные враги советской власти!!! Так что свобода философа от ответственности – миф, рождённый беспамятливыми и безответственными умами.

Ум учёного не равноценен мудрости философа, и при всех относительных успехах науки, сделавших мир якобы полезным, комфортным для человека, она не слишком преуспела в миропонимании, включая понимание космоса, Земли и самого человека. Тому свидетельства – катастрофические последствия бездумного или преступного использования достижений науки в XX веке, начиная с атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, паразитического давления на природу, в том числе на природу ближнего космоса и самого человека: «...мы стали могущественнее, при этом не став соизмеримо мудрей. ...Если мы и далее будем накапливать силу, а не мудрость, то, несомненно, самоуничтожимся» [Саган, 2017: 362, 375-376]. Радужные упования на науку как панацею человеческой цивилизации сменились сначала скептицизмом, а затем и горьким разочарованием. Для науки и учёных настали трудные времена. Кроме того, наука периодически испытывает внутренние трудности роста, возникающие при смене её парадигм и идеалов, при революционных открытиях, влияющих на мировоззрение и миропонимание. И так же как при столкновении с трудностями дети восклицают «мама родная!», так и умная

⁴ «Когда не обладаешь мудростью, остаётся любить мудрость, т. е. быть философом» (Николай Бердяев).

наука в трудные для себя времена возвращается к мудрости матери-философии. Так было, есть и будет всегда, и космология – не исключение.

С другой стороны, если философские тексты о мироздании претендуют на общечеловеческую значимость, иначе, чем в контексте общечеловеческого рационального научного знания о мироздании, их рассматривать нельзя, как бы к этому ни относилось «витающее в эмпириях» философское сообщество. В противном случае философия рискует остаться в представлении многих интеллектуалов, не говоря уж об обывателях, «остроумными, но безрезультатными словами» (Джон Бернал), эксплицитной рефлексией на заданную (научную) тему, но не *важнейшим*, как утверждал Плотин. В конце концов, матери без детей тоже не обойтись⁵.

Если философия – только рефлексия и, следовательно, субъективное мирозерцание, мироощущение, мировоззрение и миропонимание, выражаемое каждым философом в меру его интересов, эрудиции и литературных способностей вне рационального научного метода исследований, если она – творимое, показываемое, но не значимое, не утверждаемое, не то, о чём можно сказать ясно, а лучше молчать (согласно логическому позитивисту Людвигу Витгенштейну), то и уважение к философии и философам со стороны большей части социума соответствующее. Получается, что авторитет философов зиждется не на том, что они действуют по высшим законам, недоступным простому смертному (пусть и учёному), и не на том, что они мудрее или умнее других (пусть и учёных), но единственно на том, что их не понимают. «Лишь пока нас не понимают, этот сомнительный авторитет работает на нас» [Хайдеггер, 1993: 336]. Как только философов начинают понимать, авторитет исчезает или обнаруживается, что его и не было, ибо все мы в известной мере философы, способные на саморефлексию. И если в хайдеггеровском смысле авторитет философии – миф, то этот миф произвольно внушают нам

⁵ Развитие философии неотделимо от развития науки. Но это не даёт оснований для присуждения учёных степеней по философским наукам, ибо никаких «философских наук» на самом деле не существует. За рубежом присуждают степень «доктор философии».

рефлексирующие философы прошлого и настоящего. В результате соблазн философской саморефлексии приобретает размах псевдоинтеллектуальной эпидемии, родственной самолечению и самопродвижению во власть. Если же авторитет философии – не миф и она, действительно, – важнейшее, то философия – это не одна только рефлексия. В ней есть нечто, находящее отклик через тысячелетия не только в силу принципа историцизма и интеллектуального резонанса поколений. Это нечто – «ностальгия, тяга повсюду быть дома» – так романтическими словами поэта Новалиса (Фридриха фон Гарденберга) Мартин Хайдеггер обозначает, что философствующий «повсюду не дома», но хочет быть там «всегда и, главное, в целом» [Хайдеггер, 1991: 330]. А разве наука в лице её лучших представителей не испытывает подобную же тягу быть дома всегда и в целом? Прав ли Хайдеггер, полагая, что «науку и мысль разделяет пропасть» [там же: 150]? Полагаем, что это слишком сильно сказано (при всём уважении к Хайдеггеру).

Классические философские средства познания – формальная логика, идеализация, дедукция, экстраполяция, мысленный эксперимент, «трансцендирующее мышление» [Ясперс, 1991], интуиция. Сами философы признают существенный субъективизм своего аппарата исследования, в немалой степени способствующий «вечности» философских проблем. Так, онтологическая проблема генезиса бытия была поставлена в глубокой древности и до настоящего времени будоражит умы. Гносеологическая проблема истины, диалектика развития, экзистенциальная проблема свободы и многие другие философские проблемы, по признанию философов, никогда до конца не разрешимы. Прогресс в решении проблем усматривается ими «в развитии мысли одного и того же философа, школы, ориентации; прогресс в том, что так или иначе выявляются типовые пути, и становится ясно, какие предпосылки необходимо принять, чтобы лучше осмыслить проблему» [Алексеев&Панин, 1996: 35]. Прямо скажем, такой прогресс не слишком конструктивен, философия гораздо инерционнее и скромнее науки в решении своих проблем. Десятичный счёт, механика макромира, электромагнетизм, синтез белка, экономика процветания, генетический код, трансплантация органов – эти и многие другие частнонаучные проблемы во многом решены,

несмотря на объективную неизбежность заблуждений и ошибок познания. Но проблема генезиса Универсума (мироздания) остаётся вечной, и здесь, как ни в чём ином, космологии приходится сотрудничать с философией.

Науке свойственны «революционные» и «нормальные» этапы развития [Кун, 2003]. Между *научными революциями*, связанными с публикацией пионерских, прорывных идей и открытий, возникающих, как правило, в головах одиночек, должны быть периоды *нормальной науки*, важнейшим признаком которой являются коллективные исследования посредством методов, признанных научным сообществом, и новых методов исследования, удовлетворяющих действующим идеалам научности [Философия и методология науки, 1996]. Нормальную науку реализуют уже не одиночки-первооткрыватели, а коллективы, сообщества учёных. В данном смысле философия больше родственна революционной науке с её творческой раскованностью, элементами интуитивизма и анархизма, частой сменой парадигм и одиночеством мыслителей. Но философия, как и наука, не может всё время «петь на революционной ноте». И у философии, хоть и реже, чем в науке, наблюдаются этапы «нормальности», связанные с развитием очередного «изма», появлением соответствующей школы, исповедующей тот или иной метод исследования.

Почему же философские проблемы веками занимают мудрецов, и у каждого из них свой, непохожий взгляд на их решение? Вероятней всего, дело не в объективной неизбежности ошибок познания, а в субъективизме средств философского познания. В частных науках степень гносеологического субъективизма в среднем меньше, чем в философии. Однако это справедливо по отношению лишь к тем из них, где средства познания ближе к абстрактно-логическим, формальным, фактуальным, нежели к эвристическим, рефлексивным, целостно-образным. Специалисты в области т.н. точных наук обычно приходят к взаимопониманию (положительному или отрицательному) лучше и быстрее, нежели в области наук гуманитарных, а тем более, в философии, ибо абстрактный язык математики и логики (язык объяснения) объективно способствует взаимопониманию на уровне абстрактно мыслящего

сознания в большей степени, чем неформализуемые языки экзистенций трансцендентного мышления, интуиции, эмпатии, идеализации и др. (языки понимания) на уровне бессознательного⁶. Вообще говоря, понимание всегда субъективно, его объективность а priori сомнительна. Можно лишь говорить о той или иной степени совпадения субъективных пониманий, влияющей на «результаты голосования» по проблеме, не более того. Космология тому – живой пример. Она, как правило, далека от понимания большинства своих объектов исследования, хотя и способна их в чём-то объяснить.

Означает ли это, что языки понимания следует формализовать или заменить языками объяснения? Ни в коей мере! Каждый язык лучший в своей области применения. За её пределами он чаще всего не нужен. Люди не разговаривают на машинном или пчелином языках, а машины и пчёлы – на человеческом. Философия нуждается в своих языках понимания не менее, чем наука (в том числе, космология) – в своих языках объяснения. Более того, достоинства этих языков эффективно дополняют друг друга в человеческой практике, ибо «логика, которая одна может дать достоверность, есть орудие доказательства; интуиция есть орудие изобретательства» [Пуанкаре, 1990: 215].

Создавать (изобретать) новое труднее, чем объяснять, критиковать существующее. Для созидания надо владеть не только и даже не столько языком объяснения, сколько языком понимания. В этом плане логика, математика и в целом языки объяснения (доказательства) легче языков понимания. По Хайдеггеру изначальная задача философии – «делать вещи более тяжёлыми (трудными), более сложными» [Хайдеггер, 1991: 146]. Языки, ориентированные на целое, сложное – это философские языки понимания. Логика, математика как языки научного объяснения (доказательства) ориентированы на частное, простое; конечным числом конечных предложений и формул невозможно выразить сложное бесконечномерное целое, каким является Универсум и входящие в него космологические

⁶ Взаимопонимание как отношение между субъектами не означает понимания как отношения между субъектом и объектом. Субъекты, взаимопонимая друг друга в познании объекта, могут оба не понимать познаваемый объект.

объекты. Не следует требовать от математики больше, чем она может дать при исследовании Универсума. А именно этим часто «грешит» космология, пытаясь представить математические модели как аутентичные описания своих объектов исследования.

Взаимопонимание в простом, частном достигается быстрее, чем в сложном, целом. Поэтому естествоиспытатели легче договариваются друг с другом, чем философы. Впечатление такое, что философы даже не стремятся договориться. Может быть, они полагают, что т. к. любое конечное объяснение объективно связано с частным, оно (объяснение) есть откат от философии с её ментальностью целого, всеобщего. Так стóит ли снисходить до объяснения, взаимопонимания?! Не в этом ли хайдеггеровская «мысль – всегда немного одиночество. Когда её вовлекают, она может отклониться» [Хайдеггер, 1991: 152]? И не в этом ли главное отличие философии и науки? – научному знанию можно обучиться, а философскому мировоззрению невозможно! Можно только привить вкус к философствованию путём «соприкосновения с оригиналом», будь то живой философ (все философы в своём роде «оригиналы») либо его мысли, запечатлённые на родном языке философа⁷. Согласно «Логике» Канта «для навыка к самостоятельному мышлению или философствованию нам следует обратить внимание больше на *методы* нашего *применения разума*, чем на сами положения, к которым мы пришли с помощью этих методов» (*курсив В. Г.*).

Актуальность философского подхода к действительности растёт по мере развития науки и роста опасности непродуманного или преступного использования её достижений. Поэтому вслед за великими считаем, что любое научное исследование неполноценно без философского обоснования. Философия должна занять одно из ведущих мест в системе образования. Каждый учебник вне зависимости от своей специализации – гуманитарной или технической – должен содержать философскую компоненту, воспитывающую обучаемого в духе уважения к философскому образу мышления. В свою очередь, философия должна пристально следить за развитием научной мысли,

⁷ Любой перевод на другой язык и даже чужая интерпретация оригинала на родном языке искажают мысль автора.

упреждать её, дабы наука не двигалась вслепую навстречу гибельным проблемам, будоражащим всё человечество. Наука без философии слепа, философия без науки бессильна, что полностью справедливо и для отношений философии и космологии, взаимообусловленных в своём совместном развитии.

Космологии не дано продуктивно экспериментировать с рождением Вселенной и её эволюционирующими сущностями – «светлыми» (галактики, звёзды, планеты, астероиды) и «тёмными» (тёмная материя, «чёрные дыры», космический вакуум). Невозможно до конца понять и свойства этих сущностей, далёких подчас от представлений рациональной науки. Остаётся, по возможности, верифицировать известные теории, выдвигать новые и философствовать. Первые две задачи решает космология. Что касается философии, то космология изначально была и до сих пор остаётся уделом философской рефлексии, несмотря на успехи астрофизики, квантовой физики, физики вакуума: «...физик вынужден заниматься философскими проблемами... К этому физиков вынуждают трудности их собственной науки... наука без теории познания...становится примитивной и путанной» (Альберт Эйнштейн).

Философствование в древней Элладе включало вопрошание о «фюсис» (природе) в двух смыслах: о сущем как таковом (вопросы «что?» и «как?») и о природе (сущности) сущего (вопросы «почему?» и «зачем?»). Из философствования в первом смысле родилась физика как объяснение природы, во втором смысле – метафизика как понимание природы. И если в «физической эйфории» некоторые космологи-рационалисты самоуверенно объявляют философию мёртвой на фоне успехов своей науки, то это представляется как профессиональный эпатаж без должного основания. Должным основанием для рациональной космологии мы считаем экспериментально верифицированные теории, коих либо нет, либо есть в «единичных экземплярах» (гелиоцентризм, шарообразность и овальность звёзд и планет) или частично верифицированные (частная и общая теории относительности, квантовая механика). Чаще же всего космологические теории безальтернативно интерпретируют результаты экспериментов в пользу своих исходных теоретических посылок, несмотря на возможность альтернативных толкований опыта. При этом, как только

физики-космологи начинают задавать метафизические вопросы «почему?» и «зачем?», они возвращаются в лоно философии (и даже теологии), желают они того или нет.

Такое состояние космологии – её изначальный «крест», который ей приходится нести всегда, а иногда и на «Голгофу», если сугубо физические результаты исследований влекут за собой философские и религиозные «ереси», опасные для мирской и религиозной власти. Например, пантеист Джордано Бруно был объявлен еретиком и сожжён на костре католической инквизицией, а Галилео Галилей, хоть и не был объявлен еретиком, «достойным» сожжения, но «сильно заподозренным в ереси» за пропаганду коперниканства⁸ – такая формулировка также была тяжким обвинением, однако спасала от костра. В СССР физики-космологи Матвей Бронштейн был расстрелян (посмертно реабилитирован), а Георгий (Джордж) Гамов стал невозвращенцем, космология была запрещена как «буржуазная лженаука», противоречащая основоположениям «марксистско-ленинской» (читай «сталинской») науки.

С одной стороны, философия и космология независимы друг от друга. Истина как императив космологии и «истина+благо+смысл+красота» как императив философии суть разные ипостаси. В погоне за ускользающей истиной учёный часто забывает о благе человека и природы, о нравственности своих изысканий. В результате наука напоминает умную, педантичную, бесчувственную, чопорную даму, для которой хайдеггеровская «тяга быть дома» означает порядок, организованность и объяснимость. Философия же напоминает мудрую, добрую, всепрощающую бабушку, для которой важны не «объяснительные записки», а понимание и взаимопонимание с людьми и природой, сострадание к ним и желание помочь, исходя из императива «дарить», а не «брать».

С другой стороны, философия – открытая система, как и реальные системы любой природы, и ей свойственны метаболические процессы, включающие информационный метаболизм. Только за счёт своей информационной открытости философия

⁸ Сам Николай Коперник, будучи каноником католического костёла, до самой смерти (1543 г.) опасался опубликовать свою «ересь».

развивается. Закрытость, автономность, одиночество, отрешённость философии имплицитно привели бы её к элитарным болезням, аналогичным болезням средневековых замкнутых династий королевских родов Европы. Даже если речь идёт не об инкапсулировании философской мысли, а лишь о недоступной для космологии степени философской абстракции, полностью вывести мир за скобки абстракции не удастся – небольшой шум да останется. Эдмунд Гуссерль признавал: «...не через философии становимся мы философами... Толчок к исследованию должен исходить не от философии, а от вещей и проблем» [Гуссерль, 1994: 173]. О том же Хосе Ортега-и-Гассет: «...сначала живи, затем философствуй» [Ортега-и-Гассет, 1991: 170]. Бертран Рассел, будучи в равной степени философом и учёным, полагал, что философия должна опираться на научное знание и быть его квинтэссенцией. В подтверждение данных точек зрения сошлёмся на судьбы ряда учёных, внёсших существенный вклад в развитие современной философской мысли: Фридрих Ницше был филологом, Зигмунд Фрейд, Карл Юнг, Эрих Фромм, Карл Ясперс – психологами и врачами-психиатрами, Эрнст Мах, Альберт Эйнштейн, Вернер Гейзенберг, Нильс Бор, Макс Борн – физиками, Томас Кун – историком, Илья Пригожин – физикохимиком, Фридрих Фреге, Бертран Рассел, Альфред Уайтхед, Василий Налимов, Никита Моисеев – математиками, Владимир Вернадский – геохимиком.

В развитие философии внесли свой вклад также литераторы, религиозные и общественные деятели: Лев Толстой, Жан-Поль Сартр, Альбер Камю были писателями, Августин Блаженный, Павел Флоренский, Пьер Тейяр де Шарден, Этьен Жильсон – теологами, Альберт Швейцер – врачом, теологом, музыковедом, общественным деятелем. Поэзия, как и всё искусство, тоже не чужда науке и философии: «в научном мышлении всегда присутствует элемент поэзии. Настоящая наука и настоящая музыка требуют однородного мыслительного процесса» (Альберт Эйнштейн); «...математика – один из видов искусства» (Норберт Винер). Поэзия Данте Алигьери, Иоганна Гёте, Фёдора Тютчева, Иосифа Бродского и многих других поэтов наполнена философскими откровениями. Полагаем, что и врачевание – больше искусство, чем наука. Науке привычны понятия «изящная теория», «красивое решение (доказательство)»,

«искусство эксперимента», «искусство программирования» и др. Многие научно-философские трактаты древности и средневековья известны как поэмы (Парменид, Эмпедокл, «О природе»; Тит Лукреций Кар, «О природе вещей»; Ибн Сина, «Поэма о медицине (урджуза)»; Эдгар По, «Эврика. Поэма в прозе (опыт вещественной и духовной Вселенной)» и др.).

Философию и космологию роднит стремление к вечности, вневременности открываемых истин, наличие собственных объектов исследования, наконец, вера в то, что мир имел первоначало и познаваем чувством, разумом и интуицией познающего человека (как неотъемлемой части мира), причём познание мира *ограничено* жизненным пространством и временем человеческой жизни и *ограниченно* в силу ограниченности чувства, разума и интуиции.

Если объектом исследования рациональной физики является материя и формы её движения, химии – вещество, биологии – жизнь, математики – число и пространство, то важнейшим объектом исследования философии является Универсум – мир в целом, включающий бытие явленное (вещное) и скрытое (духовное). Не правда ли, что исследование Универсума роднит философию с космологией больше, чем с любой другой научной дисциплиной?!

Философии чуждо цеховое методологическое высокомерие, она не содержит в себе запрета на использование научных методов в решении частных задач философского познания или при главенстве специфически философских средств исследования. В частности, не отрицается и возможность участия «философов – специалистов по философским вопросам естествознания в осуществлении каких-либо мировоззренчески значимых экспериментов» [Алексеев&Панин, 1996: 94], в том числе, и в космологии.

Философ и космолог находятся в одинаково трудном положении, ибо их совместный объект исследования – Универсум – им дан лишь в частностях, но не в целом, к тому же оба они – и философ, и космолог – элементы этого целого. Между субъектом и объектом в акте познания должно быть отношение отстранённости, а не включённости. А раз этого нет, целое постоянно искомо, но не находимо.

Для науки важно при постановке проблем наметить пути их решения, ибо наука нацелена на решение проблем, возникающих в процессе познания. Последнее может быть неточным, добытые истины относительными, но вера в научную познаваемость объектов незыблема. При столкновении с неразрешимой проблемой наука доказывает эту неразрешимость и отказывается, хотя бы на время, от проблемы. Для философии и космологии мир – а priori неразрешимая проблема, но они не имеют права от неё отказываться, ибо, отказавшись, обе они откажутся от познания Универсума, т. е. от себя самих.

Но возможно ли позитивное знание Универсума, если всё, что мы о нём можем сказать – это сплошное отрицание: Универсум – это *не* часть, *не* элемент системы, это – *нечто* целое, за пределами которого якобы *ничего нет*. Да и самих пределов, возможно, *нет*.

Естествоиспытатель может экспериментировать с природой, но философу и космологу это не дано. В таком смысле любая научная дисциплина, даже чистая математика в сравнении с философией и космологией несёт на себе отпечаток практицизма. Философия же немыслима вне философствования, а космология – вне теоретизирования, ибо, когда разум оказывается один на один с Универсумом, «то нам даётся только...проблема» [Ортега-и-Гассет, 1991: 99]. Философско-космологическая проблема, таким образом, имеет форму: «Я в тупике» [Витгенштейн, 1994: 130].

В связи с изложенным состояние недогматических философии и космологии можно охарактеризовать как перманентный кризис (непрекращающаяся революция, «вечный бой») в отличие от «приземлённых» разделов естествознания, переживающих периодические кризисы. Обычно в промежутках между кризисами своих парадигм естествознание переживает периоды нормальной науки, работающей в рамках очередной победившей парадигмы. Философии же, как и космологии, форма «нормальности» свойственна в гораздо меньшей степени, ибо среди философских и космологических парадигм не бывает победителей и побеждённых – философские и космологические парадигмы сосуществуют, и максимум, на что они способны (если не впадают в политику), это беззлобно критиковать друг друга в рамках принципов плюрализма и толерантности.

Плохо это или хорошо? Во-первых, вслед за Ортега-и-Гассетом и Куном, утверждавшими, что кризисы науки говорят не о её упадке, а, наоборот, о её здоровье, полагаем, что и перманентные кризисы философии и космологии – их естественное, здоровое состояние. Что касается философии, то заявлять всё время о кризисе своих принципов или о множестве кризисов одновременно позволительно только здоровой философии, чему свидетельство – её почтенный возраст, завидная любознательность и самокритичность. Во-вторых, полагаем, что отсутствие явной формы нормальной (по Куну) науки не позволяет считать философию наукой. Парадигмы адептов и апологетов научности философии, включая великих философских системостроителей Аристотеля, Рене Декарта, Бенедикта Спинозу, Иммануила Канта, Георга Гегеля и др., не содержат атрибутов «нормальности» философии в указанном смысле. Методы и средства всех философских систем не проработаны до уровня доказательного и проверяемого знания, позволяющего в рамках очередной парадигмы достаточно длительное время накапливать позитивные результаты, верифицируемо решать задачи не столько авторами этой парадигмы, сколько всем мировым сообществом философов.

В нашем представлении, причин этого положения несколько. С одной стороны, известная часть философов вовсе не собиралась делать из философии науку в общепринятом смысле: «...сегодня, после того как философы с краской мучительного стыда сносили презрение учёных, бросавших им в лицо, что философия не наука, нам – по крайней мере мне – нравится в ответ на это оскорбление заявлять: да, философия не наука, ибо она нечто гораздо большее» [Ортега-и-Гассет, 1991: 70]. Автор согласен с этим тезисом, не исключая, однако, научности философии как одного из её частных свойств, что согласуется с гегелевским тезисом о философии как «науке о всеобщем». С другой стороны, современные философы приложили максимум усилий к разработке логико-лингвистических оснований аналитической философии, герменевтики, постпозитивизма, постмодернизма, превратив язык в один из основных объектов философских исследований. При этом они не пошли глубже представления о языке как форме жизни или игре, среде существования человека, хотя Витгенштейн

в «Философских исследованиях» признавал, что скрытая сущность языка гораздо глубже явленной. Согласимся, что язык, как и любая система кодирования, – лишь одна из сущностей Универсума, и, следовательно, генезис языка – в Универсуме. Чтобы понять язык, надо понять его место в Универсуме, а значит, надо понять Универсум. Складывается впечатление, что, играя в «языковые игры», современные философы несколько уходят от главного объекта философии – мира с его реальными проблемами и реальным смыслом вещей.

Наконец, часто забывают, что, питая науку, формальную логику и математику своим «материнским молоком», философия сама впитала многие научные парадигмы, особенно из космологии. Подобные прецеденты имели место, когда смена научных парадигм затрагивала фундаментальные основы мироздания – пространство, время, поле, жизнь, которые в силу своей всеобщности являются также и предметами философской рефлексии. Такие ревизии, например, в физике, астрономии и космологии связаны с именами Коперника, Галилея, Ньютона, Эйнштейна, Бора, в биологии – с именем Чарльза Дарвина, в химии и биохимии – с именами Пригожина, Манфреда Эйгена, в математике и логике – с именами Лейбница, Николая Лобачевского, Джорджа Буля, Давида Гильберта, Курта Гёделя, Фреге, Рассела. Многие из этих гигантов науки, понимая философскую значимость своих концепций и подходов, делали их философскими и в равной степени занимались на их основе наукой и философией. Это был естественный приход в философию, но не с пустыми руками. Привнесённые в философию методологические средства науки предоставили возможность обоснованного философского осмысления важных научных результатов и субстанциональных представлений, относящихся к совместной юрисдикции науки и философии.

Отдельные научные концепции приобретали философский статус временно, а некоторые навсегда. Так, космологические частная и общая теории относительности вошли в ядро современной философской концепции пространства-времени-поля, математическая логика – в философию вывода (пропозициональное исчисление, исчисление предикатов и др.), кибернетическая теория формальных грамматик – в лингвистическую философию, химическая теория диссипативных

систем – в синергетическую философскую парадигму. Ньютон разрабатывал математические начала натуральной философии, Рассел и Уайтхед – математическую философию. Сейчас злободневными для философии в указанном смысле являются жаростно дискутируемые космологические парадигмы физического вакуума и природы гравитации, информационного и торсионного полей, квантовой телепортации, социальные парадигмы киберпространства, клонирования живой клетки и др.

В связи с этим нет серьёзных оснований отделять развитие науки, в частности, космологии от развития философии. Нет также оснований противопоставлять проницательность и мудрость философа уму и спонтанным актам озарения учёного. Философ своим системным и гуманным мышлением охватывает всю полноту жизни, связанную с истинами науки, красотами искусства и добром практики. Гуманная наука также не должна развиваться в отрыве от искусства и практики человеческого бытия.

Отметим также существенную методологическую родственность философской рефлексии с космологией, хотя между ними есть и отличия, обусловленные разными степенями мыслительной свободы и целями учёного и философа. Для этого рассмотрим следующие методологические признаки.

Прежде всего, *теоретичность (внеопытность)*. Рациональная наука считается неполноценной без эксперимента. Но любой эксперимент не отвечает на вопрос экспериментатора о природе исследуемого объекта. Он лишь сообщает о реакции объекта на наше воздействие на него. Это воздействие понадобилось экспериментатору, чтобы принудить объект к ответу. Следовательно, все ответы рациональной науки о реальности зависимы от экспериментатора, его принуждающих действий. Философию же интересует онтологическая реальность – вещь сама по себе, не зависящая от наших действий, т. е. не зависящая от эксперимента и его интерпретации. В этом плане философский подход и метод принципиально внеопытны, а значит, и не верифицируемы в отличие от рациональной науки. Заметим, что внеопытность не предполагает внемодельность. Философия, как и наука, имеет право на моделирование, мысленный и вычислительный эксперименты. Согласимся, что в изложенном контексте теоретичность, внеопытность в известной

мере свойственны и космологии, хотя она не чужда и опытной проверяемости, успешно зарекомендовавшей себя в истории космологии.

Второй признак – *синтетичность*. Философский подход, как, впрочем, и научный, должен быть адекватен своему объекту исследования. Объект философии – мир и человек в нём – всегда синтетичен, универсален, целостен. Философа не интересуют или, по крайней мере, мало интересуют частности, детали, которыми интересуется та или иная научная дисциплина. Соответствующими свойствами должен обладать и философский подход, философская концепция. Синтетичность присуща и космологии, многие объекты исследования которой являются сложными системами – Универсум, галактики, звёздные системы и др.

Даже если мы философствуем о части целого, методологически мы должны идти от целого, редуцируя его к части, не упуская целое из виду (*методологический редукционизм*). Для этого философский подход должен быть дедуктивным. Индукция может быть полезна в науке, особенно экспериментальной, для философа она часто опасна. Именно поэтому дедуктивная логика была отнесена к философскому подходу. Именно поэтому, индуцируя от элементов к системе, включающей эти элементы, мы часто грубо ошибаемся в интерпретации системы, забывая о её *эмерджентности* – неприводимости свойств элементов к свойствам системы. Сумма или суперпозиция частей – ещё не целое. Образно говоря, в науке дедукция и индукция равно любимы, в философии любимица одна – дедукция. В космологии системное свойство эмерджентности не менее важно. Так, из индивидуальных свойств планет любой звёздной системы (например, Солнечной) нельзя индуктивно вывести свойства самой системы, как из свойств множества вселенных Универсума – его свойства. И наоборот, свойства любой вселенной не сводятся к свойствам входящих в неё звёздных подсистем, т. е. дедукция без учёта эмерджентности тоже будет непродуктивной.

Четвёртый признак – *неаксиоматичность*. Философ не должен делать никаких предпосылок, ограничивающих степени его свободы. Единственная предпосылка – проблема: «я в тупике и не знаю выхода!». Известное переходит под юрисдикцию науки

и перестаёт быть философской проблемой, если, конечно, оно достоверно известно (например, фактуально). Но что мы можем знать достоверно о целом, если нет уверенности в познании даже его части? Поэтому философские проблемы, однажды возникнув, как правило, становятся вечными. Неаксиоматичность делает системный *методологический плюрализм* философа менее стеснённым, более богатым по сравнению с *модельным плюрализмом* учёного. В космологии тупиковых проблем хватает, пожалуй, больше, нежели в других научных дисциплинах. Космологам приходится часто предлагать и исследовать модели космических объектов. Как и любая схема, модель есть абстракция реального объекта: «если сто раз сказать “халва”, то во рту слаще не станет». Модельный плюрализм – удел космологии как научной дисциплины.

Пятый признак философской концепции – *комплексность*, т.е. *методологический полиморфизм*. Учитывая сложность и неverifiedируемость философской концепции, в её методологию следует включать многообразие методов с общей интенцией. В определённом смысле комплексность – комплементарный антипод «бритвы Оккама» («не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости») – разнообразие методов не следует уменьшать без необходимости. Такая необходимость может появиться только в одном случае – если методы зависимы. По возможности, частные методы должны быть минимально зависимы между собой. Только тогда сходимость их результатов может косвенно свидетельствовать о правдоподобии результатов и работоспособности концепции в целом. Методологический полиморфизм продуктивен и в космологии, когда рассматриваются несколько независимых, даже альтернативных моделей одного космологического объекта при соблюдении этического принципа модельного плюрализма.

Верифицируемые научные концепции существенно в меньшей степени по сравнению с философией ориентируются на признак комплексности, но в одинаковой степени – на связанный с ним признак *системности*. Последний означает 1) *упорядоченность* концепции; 2) *взаимосвязанность* входящих в неё частей (законов, принципов, методов); 3) *целостность*. Упорядоченность означает, что концепция внутренне

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)